

ГЛАВА 2.

НАДПИСИ НА УЗКОГОРЛЫХ СВЕТЛОГЛИНЯНЫХ АМФОРАХ III в. н.э.

Надписи на амфорах, найденных на территории Нижнего Дона, известны и до появления Танаиса. Они имеются на фасосских, гераклейских, родосских, синопских амфорах и амфорах прочих центров V-II вв. до н.э. Однако их значимость на фоне информации, которую несут клейма этого времени (имена фабрикантов и магистратов, место происхождения, месяц производства и т.д.), не столь велика.

Сложная система маркировок, обозначившаяся на амфорах в западных провинциях Империи со времени Августа, оттесняя клейма на второй план, завоевывает все большие пространства. Теперь уже в надписях краской вся полнота информации. Стандартные пометки на транспортной таре содержат консульские даты, имена производителей, записи о налогах и т.д. Вероятно, они распространяются вместе с римскими законами и на подконтрольных Риму территориях.

Насколько подобная система маркировок могла проецироваться на амфорную торговлю припонтийских регионов судить пока трудно. Для выявления стандартных форм *dipinti* желательно иметь их для сопоставлений в достаточно большом количестве. Как нельзя лучше для этого подходят амфоры, найденные на территории Танаиса за 50 лет исследований Нижне-Донской археологической экспедицией ИА РАН. Результаты работы с ними получили отражение в данной главе. В ней планировалось разрешить следующие задачи: определить время появления и наибольшего распространения *dipinti*; соотнести отдельные группы надписей с конкретными типами транспортной тары, а, по возможности, и с центрами производства; выделить стандартные формы надписей и ключевые стандарты маркировки транспортной тары, характерные для III в. н.э.; соотнести содержание отдельных надписей III в. н.э. с возможностями сосудов, на которых они находятся; определить степень принадлежности надписей на амфорах к местам их массовых находок.

Dipinti на светлоглиняных амфорах типов А (С IVA) и В (С IVB), хронологические рамки существования которых приходятся на I в. н.э. – середину II в. н.э., мало чем отличаются от пометок на греческих амфорах периода эллинизма. Состоят они из одного – двух знаков (рис.3, 1-6). Танаисский материал пока крайне невыразителен.

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

Явные изменения объемов информации в маркировках можно наблюдать на амфорах типа С (С IVС) (рис. 3, 7-16). Сосуды этого типа сменяют тип В. Они появляются, очевидно, в первой половине II в. н.э. и какое-то время с ним сосуществуют. И.С. Каменецкий на основании материалов Нижне-Гниловского городища датировал их II-III вв., объединив с другим, хронологически, последующим типом D в одну группу [Каменецкий, 1963, с. 31-33, рис. 6, 21-22, 24-31]. Так же был склонен датировать их и Д.Б. Шелов, хотя он справедливо заметил, что амфоры С никогда не встречаются вместе с типом D в комплексах, погибших в середине III в. н.э. [Шелов, 1978, с. 18, рис. 6]. По мнению С.Ю. Внукова, этот тип (вариант) бытовал со второй четверти до конца II в. н.э. [Внуков, 2006, с. 167].

На амфорах, найденных на Кобяковском некрополе и в Танаисе, есть уже четко различимые двух-трех строчные *dipinti*, сходные с теми, что имеются на сосудах более поздних типов (вариантов) (рис. 3. 11, 12). На них уже периодически встречаются и фабрикантские клейма. Однако небольшое число маркировок и краткость информации позволяют отметить пока лишь сам факт появления сходных между собой многострочных пометок, в которых можно различать сокращения имен и цифры.

Узкогорлые светлоглиняные амфоры типа D, рассматриваемые в данной главе, являются одними из наиболее распространенных на территории Северного Причерноморья (рис. 5, 1-2). Они известны в комплексах Горгиппии [Алексеева, 1995, с. 9, 12 и сл., рис. 12, 1-4; Алексеева, 1997, табл. 106, 2; 111, 3-7; 120, 1; 124, 1-5; 129, 1-3; 131, 14; 150, 1-3; 151, 4; 152, 1-2, 11; 167, 2-4; 169, 15; 172, 1; 222, 1], в Крыму [Уженцев, Юрочкин, 2000, с. 266, 272, рис. 2, 3-6; Гущина, 1974, с. 35, рис. 1, 10, 13, 31; Гущина, Журавлев, 1999, с. 160, рис. 4, 15; 6, 4; 1, 2001, 51 сл., рис. 1; Кленина, 2004, с. 33, рис. 7, 8]. В Ольвии это - наиболее массовый тип тары, бытовавший до конца III в. н.э. [Мелентьева, 1969, с. 23 и сл., рис. 2, 1; Крапивина, 1993, 94, рис. 29, 5-7]. Кроме того, находки их зафиксированы и на ольвийской хоре в слоях III в. н.э., причем на горлах и плечах амфор часто встречаются *dipinti*, реже - клейма [Бураков, 1976, с. 74 и сл., табл. III, 29-30; рис. 36]. Подобные же сосуды известны в Нижней Мезии (в Нове) [Duczek, 1999, р. 189-192, рис. 192, 194-195], в поселениях и могильниках приморской части междуречья Днестра и Дуная [Фокеев, 1987, с. 17, рис. 1; 6, 41].

Т.Н. Книпович, опубликовав несколько экземпляров таких амфор из Танаиса, сделала предположение об их местном производстве. Здесь же, по её мнению, на них наносили и надписи краской [Книпович, 1949, с. 72 и сл., рис. 28 А, 1-4]. И.Б. Зеест датировала подобные амфоры II-III вв. н.э. и выделила их в тип 91-93 [Зеест, 1960, с. 117 и сл., табл. XXVII, 91-93]. Д.Б. Шелов отмечал, что они появляются в Танаисе в первой половине III в. н.э. [Шелов, 1978 а, с. 18 и сл., рис. 7]. По классификации С.Ю. Внукова, амфоры являются разновидностью типа С IV (вариант D) [Внуков, 2006, с. 14, рис. 1.10]. Особенно большое количество подобных сосудов обнаруживают в комплексах построек Танаиса,

Глава 2

погибших при пожаре в середине III в. н.э. Коллекция музея-заповедника насчитывает многие сотни целых сосудов и десятки тысяч фрагментов.

Пометки краской на горлах и плечиках имеют почти все амфоры этого типа. Многие из них были рассмотрены в публикациях Д.Б. Шелова [Шелов, 1978 б, с. 47-55; Шелов, 1989, с. 97-125]. Им же посвящена большая часть монографии Д.Б. Шелова и Б.Бёттгера [Бёттгер, Шелов. 1998, кат. №№ 1-21-15]. Публикуя *dipinti*, они так же, как и Т.Н. Книпович, исходили из предположения о танаисском происхождении основной массы надписей (и особенно это касалось именных пометок). Тезис о местном изготовлении самих амфор был к тому времени полностью отвергнут [Бёттгер, Шелов, 1998, с. 30].

Надписи на светлоглиняных узкогорлых амфорах типа D достаточно стандартны. Однако большая их часть из-за своей краткости с трудом поддается расшифровке. Б.Бёттгер и Д.Б. Шелов считали, что расположение *dipinti* на амфорах зависело от информации, которая содержалась в них. Они выделяли три позиции. Надписи позиции I находились в верхней части горла сосуда, от венчика до верхнего прилепа ручек. Чаще всего здесь имеются одна или две буквы, которые время от времени даны в виде лигатур. Этим пометкам, по мнению исследователей, «нельзя придать цифрового значения», но они «пригодны для того, чтобы маркировать одной аббревиатурой партию для транспортировки». Надписи позиции II наносились на горло, от верхнего прилепа ручек до места стыка горла и плечиков. Они составляют самую распространенную категорию *dipinti*. Здесь чаще всего также находятся одна или две буквы греческого алфавита, но имеющие числовые значения. И, наконец, пометки позиции III, также довольно многочисленные, располагались на плечиках сосудов. В них чаще всего видят имена владельцев или название товара в амфоре [Бёттгер, Шелов, 1998, с. 49 и след; с. 88 и след.]. Далее, на основании доминирования или сочетания имен в тех или иных комплексах Танаиса, исследователями была нарисована достаточно стройная картина торговли внутри города, в результате которой происходил обмен амфорами и их содержимым между торговцами Танаиса. Именно этим фактом объясняется наличие в хранилище одного хозяина сосудов с разноименными пометками.

Однако, на мой взгляд, тема далеко не исчерпана. Сейчас мы уже можем выделять условные группы пометок, согласно которым и распределяются разделы настоящей главы.

2.1. Надписи группы “*γευματήρα*”

Самыми выразительными из имеющихся к настоящему времени на узкогорлых светлоглиняных амфорах типа D являются надписи группы “*γευματήρα*” (приложение 2, каталог 1; рис. 6-8; 53). Они расположены на горлах и плечиках амфор. Надписи близки между собой по содержанию. Повторяющаяся в них информация и позволяет выделить единую группу стандартных пометок. Все

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

они найдены в закрытых комплексах, имеющих четкую дату гибели – середина III в. н.э. По классификации M. Lang, приведенные ниже *dipinti* попадают в категорию H (Commercial Notations).

На территории городища обнаружено 18 таких маркировок. Они приведены в каталоге № 1 приложения. Для удобства описания мне кажется возможным использовать систему разбивки надписей на три позиции, подобно тому, как это делали Д.Б. Шелов и Б. Бёттгер. К этому можно добавить еще IV позицию – на горле, под ручками, где буквы располагаются вертикально (т.е. параллельно ручке).

Сопоставление надписей позволяет предполагать, что они выполнены разным почерком. Однако в пометках, происходящих из одного комплекса (№ 3-9 и 10-12)¹, такое различие менее заметно. Однотонность краски, один почерк и толщина линий в пределах одной надписи, вероятно, свидетельствуют о том, что пометки наносились одновременно. В отдельных случаях даже можно проследить периоды, когда кисть окуналась в краску. Как правило, краски на тонкой кисти хватало на два-пять знаков. На этом промежутке линии буквы постепенно утончаются и бледнеют по мере окончания краски на кисти. Далее надпись опять продолжается с более толстыми, в сравнении с предыдущими, линиями (№ 1; 2; 4; 10; 11; 16; 17). Скорее всего, человек, наносивший пометки, заранее знал полную форму текста, а не дополнял или изменял ее по мере использования амфоры для того или иного товара.

Гераклейское происхождение узкогорлых светлоглиняных амфор достаточно убедительно доказывает С.Ю. Внуков [Внуков, 2006 г, с. 16-17; 48-57]. В области Гераклеи, по свидетельству античных авторов, произрастало “много годного для вина винограда” [Xen., *Anab.*, VI, 4, 6]. Гераклейское вино было широко распространено в Северном Причерноморье во второй половине IV- начале III вв. до н.э. и в это время отличалось крепостью и ароматом [Athen., I, 32b]. По мнению С.Ю. Внукова, светлоглиняные позднегераклейские амфоры были исключительно винной тарой. Косвенным подтверждением этому может служить широчайшее распространение таких амфор в комплексах погребальных тризн и на варварских памятниках, потребление оливкового масла на которых отсутствовало или было ничтожным [Внуков, 2006, с. 231-235]. Можно полагать, что текст на горлах и плечиках данных сосудов был связан с вином.

Во всех одиннадцати надписях, в которых сохранилась верхняя часть (№ 1-4; 6-8; 10; 11; 14, 16, 17), присутствует слово γεῦμα. В этом случае с переводом нет особых проблем. По словарю Liddell-Scott-Jones: γεῦμα, -ατος τό - taste, smack of a thing (проба). Для понимания смысла слова γεῦμα также показательно одно из мест в комедии Аристофана “Ахарняне” [Aristoph., *Achar.* 187sq.], где Амфитрей приносит Дикеополю в сосудиках (“бутылочках” - пер. А. Пиотровского) три

¹ В рамках раздела номера надписей соответствуют каталогу № 1, вынесенному в приложении 2.

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

ствительному τὰ πλήθη - quantities (количество) (Liddell-Scott-Jones) или скорее - τὰ ὑπάρχοντα - “имеющиеся в наличии запасы”. По обратному словарю Kretschmer-Locker [Kretschmer, Locker, 1963] отыскиваются несколько прилагательных с суффиксом -ηρός, которые имеют модальное (потенциальное или финальное) значение. Все они - прилагательные abstracta². Исходя из этих adjectiva abstracta (в отличие от материальных οἰνηρός, σιτηρός и т.д.), под γευματηρά (τὰ ὑπάρχοντα, πλήθη) следует понимать “запасы, количество отборного, коллекционного вина, которое можно посмаковать”.

Такое вино могло предназначаться для торжественных угощений фиаситов, на что, возможно, указывают параллели из Эфеса, где существовали οἱ ἐπὶ τὸ γεῦμα πραγματευόμενοι - “занимающиеся приготовлением отборных лакомств” [Robert, Robert, 1959, № 310] и συνεργασία ἱεροῦ γεύματος в надписи: εὐχαρίσατο συνεργασία οἰνηρῶ ἱερῶ γεύματι διάστυλα δύο [SEG. XXXV. 1109] “подарил корпорации для священной дегустации вина два прилавка”. Συνεργασία ἱεροῦ γεύματος, по комментарию Г. Энгельманна, была гильдией, специализировавшейся на производстве и продаже священного вина, виноград для которого выращивался на сакральных (храмовых) землях Артемиды в долине Каистра [Merkelbach, Nollé, 1980, № 2076]. Это вино (по комментарию Ф. Мильтнера) служило для угощения на общественных и религиозных пирах.

Однако более вероятным кажется понимание под γευματηρά вообще сосудов с напитком для пробы. В сущности это тоже, что и ὑπάρχοντα, но без чуждых торговцам абстракций. Причем ὑπάρχοντα всё равно должно в чем-то пребывать³.

Остальная часть текста рассматриваемых здесь надписей на танаисских амфорах достаточно легко объяснима. Практически все сосуды имеют ниже слова γευματηρά пометку πίθου - “пифоса” (gen. sing.) (за исключением №№ 5; 12; 13; 15, у которых отсутствуют значительные фрагменты горла).

Вслед за этими идут числовые пометки, относящиеся, скорее всего, к слову πίθου: Α - 1 (№ 9); Ε - 5 (№ 10); ζ или Ε - 6 или 5 (№ 8); Η - 8 (№ 18); Ι - 10 (№ 7, 11); Θ - 9 (№ 1, 5, 14); Κ - 20 (№ 6); ΚΓ - 23 (№ 3); ΚΕ - 25 (№ 4). Интересно, что числа этого ряда - одно- или двузначные, и самое большое число среди них - 25 (№ 4).

Для лучшего понимания значение этих чисел, обратимся к известным по литературе материалам, связанным с древним виноделием. Известно, что в процессе изготовления вина виноградное сусло, вытекающее из прессов, собиралось сначала в цистернах, а затем по специальным каналам-трубам перегонялось в особые хранилища с пифосами для дальнейшего хранения. Так, например, в известном винодельческом комплексе villa della Pisanella в Боскореале (близ

² πενθερός - of or for mourning, ἱμάτιον, т.е. одежда, предназначенная для траурных ритуалов; δαπανηρός - Π. expensive, πόλεμος, λειτουργία, λειτουργήματα, т.е. требующий больших затрат; ὑπνηρό - seen in sleep, ὄνειροι, т.е. то, что можно увидеть во сне; μελετηρός - practicing diligently, т.е. поступающий заботливо.

³ Такой комментарий предложил С.Ю. Тохтасьев.

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

производит посредник в ближайшие три дня. Если покупатель не сделает этого, то вино будет считаться испробованным” [Cato, 148, 1]. То есть здесь речь, вероятно, идет о переливании вина в иные емкости. Так как для дальнейшей транспортировки и торговли удобнее всего было перелить вино в амфоры, то на них, очевидно, ставили маркировку, указывающую пифос, из которого происходило их содержимое. Причем, это делали, скорее всего, в момент розлива либо изготовители, либо посредники в торговле (по Катону), либо покупатели, т.е. люди, обладавшие полной информацией о качестве и месте хранения основной части предлагаемого вина, подобно тому, как помечались сосуды, содержащие соус *garum* в Помпеях (см. гл. I). Возможно, по этой причине в надписи на сосудах не указывалось имя производителя или покупателя. Сам покупатель мог и не присутствовать при таком процессе, а находиться за сотни километров от этого места (например, в Танаисе). Но в этом случае ему предоставляли тестер. Поэтому, весьма вероятно, что такие надписи наносились не на все амфоры, а лишь на те, которые предназначались для пробы.

Принимая это прочтение пометок, мы можем восстановить и значение частично сохранившегося термина после слова *πίθου* в № 10. Но здесь уже авторы надписи не стали ограничиваться цифровой пометкой, а нанесли порядковый номер в виде слова “*πίθου δευτέρου*” (...из второго пифоса). В надписи № 17, при сохранении прочих стандартов начертания, слово «*πίθου*» и его номер отсутствуют. Это можно было бы объяснить ошибкой писца. Однако, вероятно, номер пифоса был все-таки добавлен несколько позже. Именно поэтому между ручек, выше всей надписи, нанесена той же краской и тем же почерком цифра *ια* (11).

Как правило, ниже, за номером пифоса, следует надпись *λάγυνοι* (№ 1-6; 9-11; 14). Слово *λάγυνος* имеет (согласно словарю Liddell and Scott's) несколько значений: 1) η *λάγυνος* - бутылка, флакон (a flask, flagon) (т.е. сосуд для жидкости); 2) η *λάγυνος* - мера жидкости, равная 12 *κοτύλαι*, т.е. 3,29 л. Упоминание *λαγύνου* как меры (или сосуда) для вина встречается в папирусах III в. н. э. из Фаюма: *λαγύνων ύελῶν μεικρῶν... οίνου λαγύνου ξενικοῦ* [Grenfell, Hunt, Hogarth, 1900, p. 251; P.Fay.104.3]. На основании этих значений нет особых трудностей для предварительного понимания пометки. Однако чуть ниже мы еще раз вернемся к данному термину.

И, наконец, последнюю строку составляют цифры, скорее всего, относящиеся к *λάγυνοι*: *τις'* (№ 13) – 316; *τνε'* - 355 (№ 5); *τοε'* - 375 (№ 10); *τοζ'* - 377 (№ 9); *υι'* - 410 (№ 3, 4); *υιζ'* - 417 (№ 16); *υκε'* - 425 (№ 11); *υλ'* - 430 (№ 1); *υμα'* - 441 (№ 6); *υν'* - 450 (№ 12) *υοζ'* (№ 17) - 466. Значения цифр достаточно велики. Д.Б. Шелов, приводя изображение такой надписи (№ 9 по нашей описи), предположил, что она имеет мерный характер, указывая на то, “сколько лагинов жидкости вмещается в один пифос” [Шелов, 1972, с. 159]. Обладая несколькими полными формами этого типа *διπιντι*, можно сказать, что имелся в виду не пифос вообще, а конкретный сосуд с определенным номером, количество

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

берите его образчик и затем уже, если товар понравился, покупайте, а если нет, то оставляйте» (ὡσπερ οὖν ἐπειδὴν τις τῶν ἐμπόρων καταπλεύσει πρὸς ὑμᾶς οὐ πρότερον παραγεγονώς, οὐκ εὐθὺς ἠτιμάσατε αὐτόν, ἀλλὰ πρότερον γευσάμενοι τοῦ οἴνου, κἂν ἄλλο τι φορτίον ἄγη, δείγμα λαβόντες, ἐὰν μὲν ἀρέσῃ ὑμᾶς, ὠνεῖσθε, εἰ δὲ μή, ἐᾶτε). (Dio. Chrys., 36.11). Силен в сатирической драме Эврипида «Циклоп» на предложение Одиссея попробовать вино (βοῖλη σε γεύσω πρῶτον ἄκρατον μέθυ) отвечает: «И следует. Какой же торг без пробы?» (δίκαιον: ἦ γὰρ γεῦμα τὴν ὄνην καλεῖ). [Eur. Cycl., 150, перевод И. Анненского]. Возможно, что предлагаемое для пробы вино еще не было привезено, а торговец только искал покупателя. Впрочем, оно могло уже ожидать потенциального потребителя в порту, будучи перелитым в амфоры. Кроме того, нельзя исключать и вариант долгосрочного сотрудничества между поставщиком и покупателем. В этом случае именная маркировка также была уже излишней.

На остальные амфоры в пределах одной партии могли наноситься лишь номера пифосов. Этим можно было бы объяснить повторяющиеся на многих сосудах из танаисских комплексов одни и те же цифры без дополнительной расшифровки. Они могли указывать на номер пифоса, из которого происходило вино, обозначая тем самым партию и, соответственно, единое для всех сосудов качество содержимого. Если такое предположение является верным, то ответ на вопрос о происхождении (месте нанесения) подобных надписей напрашивается сам собой. Оно совпадало с местом производства вина. В данном случае таковой могла быть область Гераклеи Понтийской.

Итак, обладая пифосами с предназначенным для продажи вином, торговцы могли отсылать своим агентам на местах или везти самостоятельно пробы вина нового урожая. Но тогда следует предполагать, что подобные тестеры должны встречаться не только в Танаисе, но и в других местах, куда такие же амфоры поступали более или менее регулярно. При этом среди общего количества сосудов с пометками группы “γευματηρά” должно было быть не слишком много, так как они предварили большие партии. К сожалению, скудность опубликованного пока материала других памятников создает определенные трудности для поиска подтверждения такого вывода. Однако стандартность надписей позволяет нам даже в этом случае найти аналогии.

Так, среди *dipinti* на узкогорлых светлоглиняных амфорах типа D из ольвийской цитадели известны три фрагмента с аналогичными пометками⁴.

О-89/ Р-25/994 (Ольвия 1989 г. – раскоп 25 на ЮВ оконечности ольвийской цитадели, раскопки В.В. Крапивиной)

Фрагмент горла амфоры типа D с надписью в пять строк:

Γευ

⁴ Указанием на эти *dipinti* я обязан В.В. Крапивиной, которой выражаю глубокую признательность.

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

(рис. 8,6). Авторы публикации в содержании 4-й строки увидели сокращение имени Μίθρ(ης) или Μίθρ(ιδάτης) с указанием меры объема содержимого в литрах – λ (в 5-й строке). Но, имея в распоряжении достаточно репрезентативную подборку пометок, можно с большой долей уверенности восстанавливать и румынскую находку следующим образом:

Γευμ(α)

τηρα

Πιθο(υ)

ΙΑ

Перевод: Проба из пифоса 11...

Фрагмент стенки горла узкогорлой светлоглиняной амфоры, обнаруженный в слое IV-V вв. н.э. Белинского городища (Восточный Крым) опубликован С.Ю. Сапрыкиным и А.А. Масленниковым в своде «Граффити и дипинти хоры античного Боспора» [Сапрыкин, Масленников, 2007, кат № 366.72, с. 83]. Здесь сохранилось написанное мелкими буквами слово [γευμ]ατηρά (проба) (рис.8,5).

Фрагмент нижней части горла с остатком плечиков узкогорлой светлоглиняной амфоры найден при раскопках Б.А. Раева на городище «Казанское I» (Кавказский район Краснодарского края) в 2009 г. (Каз-2009, кв. 18, разв. № 851). На фрагменте видны остатки надписи, как минимум, из трех строк, однако нижняя (третья) строка уходит в облом и сильно замыта:

Γευ]ατηρα

ΡΑ

Перевод: Проба [из пифоса] 130 [...]

Здесь трудно определить - является ли цифровая пометка номером пифоса или количеством лагинов. Емкость амфоры в данном случае неизвестна (рис. 8,3).

Еще одна амфора с хорошо сохранившейся пометкой хранится в фондах Бахчисарайского музея (рис. 8,4). Амфора происходит из погребения № 18 могильника Скалистое III:

Γευματηρα

Πιθου ΙΘ;

Λαγυ СΙΒ

Перевод: Проба из пифоса 19 лагинов 212.

Надпись была опубликована Н.А. Богдановой и И.И. Гущиной [Богданова, Гущина, 1967, с. 135-136, рис. 47;48], которые в последней строке увидели обозначение цифры 12 (ΙΒ), в то время как там совершенно четко читается СΙΒ (212) при сокращении λάγυ(νοι) (Богданова, Гущина, 1967, с. 136, рис. 48). Амфора имела емкость 5 л, что несколько превышает объем большинства сосудов, происходящих из погибших в пожаре в середине III в. н.э. подвалов Танаиса. Судя по горлу, к таким же по объему сосудам относится и амфора из Картала. Амфоры подобного размера (емкость их также 5 л) обнаружены

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

уменьшения, то почему нельзя допускать и возможность отклонения в большую сторону. Неодинаковы между собой и хапровские амфоры (приложение 1, таблица 5). Стандартной у них является лишь форма, которая объединяет амфоры Танаиса, Хапровского городища и могильника Скалистое III. И если принимать возможность их сосуществования, то мы видим, что разница между наименьшим (2,250 л) и наибольшим (5,250 л) составляет 3 л⁷.

Но, в данном случае, интересно и другое. Если, как отмечалось выше, считать, что стандартная единица объема – лагин, указанная на амфоре из могильника Скалистое III, равна 3,29 л, то общее количество предлагаемого к продаже вина и, возможно, объем пифоса, из которого оно происходило, был чуть меньше 698 л. Этот объем почти в два раза меньше того, с которым мы имеем дело в танаисских пометках (№ 12, например, - 1480 л). Значит, можно предполагать, что у владельцев этого вина были пифосы половинного объема (в сравнении с другими известными нам поставщиками). Это вполне нормально, учитывая то, что на памятниках античного виноделия Северного Причерноморья редко встречаются пифосы свыше 600-800 литров [Винокуров, 1999, с. 138; Щеглов, 1978, с. 93-94; Масленников, Смекалова, 1997, с. 82 и сл.]. Однако продукция в данных амфорах не была изготовлена в Северном Причерноморье, а поступала из областей, для которых виноделие было одной из важнейших статей доходов. Поэтому, в качестве примера, здесь, вероятно, можно использовать объемы пифосов гераклейского и синопского производства (1100 л), о которых писала Г.М. Николаенко [Николаенко, 1977, с. 25-29]. Если же привлечь информацию о больших пифосах (1500 -2500 л) из остатков кораблекрушений [Gianfrotta, Hesnard, 1987, p. 287-289; Laubenheimer, 1990, p. 118; Carre, 1993, p. 9-12], то средний показатель объема возрастает до 1700 л. Тогда есть еще один вариант понимания такой, сравнительно небольшой, цифры на амфоре из скалистинского могильника. Он мне кажется более предпочтительным. Если принять за значение лагина не 3,29 л, а реальный объем сосуда, на котором находилась пометка – 5 л, то общий объем пифоса будет уже $212 \times 5 = 1060$ л. То же самое можно сделать и при пересчете танаисских пометок.

Здесь, к сожалению, только у четырех амфор с надписью группы “ $\gamma\epsilon\upsilon\mu\alpha\tau\eta\rho\acute{\alpha}$ ” можно измерить реальный объем: № 17 – 2,9 л; № 16 – 2,9 л; № 11 – 3,225 л; № 6 – 3,625 л. Путем простого умножения этих объемов на количество лагинов, указанных на самих сосудах, мы можем получить следующие предположительные объемы пифосов: № 16 – $\upsilon\iota\zeta$ (417) – 1209,3 л; № 17 – $\upsilon\omicron\zeta$ (466) – 1351 л; № 11 – $\upsilon\kappa\epsilon$ (425) – 1371 л; № 6 – $\upsilon\mu\alpha$ (441) – 1621 л. Но даже этого примера достаточно для понимания того, что размеры пифоса, указанные на амфоре из Крыма, близки размерам пифосов, с которыми имели дело поставщики в Танаисе. Кроме того, это может быть подтверждением

⁷ Немного меньше хуса ($\chi\omicron\upsilon\delta\varsigma = 3,282$ л), 5,5 ксестов ($\xi\acute{\epsilon}\sigma\tau\eta\varsigma = 0,547$ л), 11 котил ($\kappa\omicron\tau\acute{\omicron}\lambda\eta = 0,273$).

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

было бы вполне логичным, в случае сохранения при производстве общей морфологии амфор и при отсутствии соблюдения точности стандарта.

Такой вывод кажется мне возможным и в связи с тем, что известны случаи, когда для обозначения амфор применялись иные термины. Так, например, в речи Демосфена упоминается 80 стамнов (στάμνοι) прокисшего коского вина, предназначавшихся какому-то феодосийскому землевладельцу (ἀνθρώπῳ τινὶ γεωρῶν) для его полевых работников [Demosth. adv. *Lacr.*, 32]. По мнению В.Д. Блаватского, эти στάμνοι, несомненно, представляли собою не расписные широкогорлые сосуды, употреблявшиеся для смешивания вина с водой на пирах, а обычную винную тару – остродонные амфоры, которые, кроме того, обозначались и словом κεράμιον [Блаватский, 1953, с. 169]. Известны случаи, когда древние авторы употребляли слово στάμνος в смысле – амфора для вина или масла [Граков, 1935, с. 152, 163; Блаватский, 1953, с. 169]. М. Лэнг также отмечала, что в римский период для характеристики тары применялось гораздо больше терминов, чем в более раннее время [Lang, 1976, p. 64].

Разные производители товара, по всей видимости, использовали для розлива вина из пифосов партии амфор различных гончаров. Так, например, исследуя амфоры римского времени, Д.П.С. Пикок и Д.Ф. Вильямс выделяют три возможных пути для обеспечения амфорами поместий, производивших вино, масло или рыбные соусы на продажу:

1. Всё необходимое количество амфор производилось внутри поместья (как правило, об этом свидетельствуют небольшие обжигательные печи, расположенные вблизи производства содержимого).

2. Поместье производило амфоры не только для себя, но и для продажи в соседние поместья.

3. Амфоры могли производиться независимыми гончарами и гончарными мастерскими, не принадлежавшими ни к одному из поместий.

При этом в поместьях, шедших по первому и второму пути обеспечения, помимо амфор, производились также для собственного потребления и иные категории керамики, такие, как кирпич, долии, мортарии, столовая и кухонная посуда и т.д. Третий же путь предполагал, как правило, производство в основном только амфор и иной посуды, для которой можно было использовать одинаковую с амфорами глину и те же обжигательные печи. Независимые мастера могли производить достаточно большие партии продукции. Поэтому, в случае необходимости (необычно большой урожай), отдельные поместья могли нанимать независимых мастеров для производства тары. Например, в одном из папирусов III в. н.э., происходящих из Оксиринфа, говорится о двухгодичном соглашении между гончаром и крупным поместьем. Согласно этому договору, мастер брал на себя обязательство производить более 15000 винарных сосудов за сезон [Peacock, Williams, 1986, p. 41-42].

Внутри одной партии колебания объемов сосудов могли быть и

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

упоминаются *agoranomoi* и *pentekostologoi* [Milet 140A.33; Syll.³ 975; Kozlovskaya, 2008, p. 43]. В соответствии с законом, импортеры перед продажей должны были задекларировать цены на ввозимые товары сначала перед *pentekostologoi* (которые занимались сбором пошлин, налагавшихся на импорт), а затем и перед *agoranomoi* (которые также взимали штрафы с нарушителей закона). В III в. до н.э. аналогичные функции на Фасосе выполняли *epistatai*. Не исключено, что пометки группы “*γευματήρα*” могли предназначаться и для декларации товаров в порту, с учетом законодательных требований импортеров. Тогда различия в объемах должно быть кратным какому-то стандарту. Учитывая это, мы можем предполагать, что торговец не только предлагал потенциальному покупателю (или магистрату) вино для пробы, но также должен был предоставлять образец емкости сосудов, в которых осуществлялась поставка оговоренного количества заказа. В этом случае значение лагина и объем предлагаемой амфоры совпадали. Вино уже было перелито в амфоры, и участники торговой операции знали их точное количество. Всего вина в пифосах могло быть и немного больше, так как какая-то часть его расходовалась на пробы.

Может быть, те из амфор (лагинов), объем которых полностью соответствовал стандарту, помечались клеймами мастеров. Вероятно, так могла маркироваться продукция не только для налогового учета, но и отмечаться определенная партия конкретного мастера или поместья, в которых амфоры были близки друг другу по емкости.

Присылая на места амфоры (здесь, лагины) с пометками группы “*γευματήρα*”, продавец предоставлял возможность перспективному покупателю оценить качество предлагаемого вина, а заодно указывал размеры поставки и емкость тары, в которой содержимое будет доставлено. Скорее всего, пометки предназначались для оптовых продаж. Отсутствие имени адресата и отправителя могло означать и то, что продавцы имели на местах уже постоянных покупателей или агентов, для которых не было необходимости оговаривать эту информацию каждый раз. Покупатель, испробовав вино, мог легко заказать понравившееся ему в нужном количестве. А срок между заказом (пробой) и поставкой мог быть не так уж велик.

По свидетельству Диодора Сицилийского [III. 34.7], “многие мореплаватели на нагруженных кораблях при попутном ветре от Меотийского озера на десятый день достигают Родоса, из которого на четвертый день приезжают в Александрию, а отсюда на десятый день приезжают в Эфиопию, таким образом, от охлажденных частей до самых жарких частей не более 24 дней плаванья”. По подсчетам М.И. Максимовой, корабли при этом двигались со скоростью 150 км в сутки [Максимова, 1954, с. 47]. Страбон [VII.4.5] отмечал, что “от Боспора Киммерийского прямым путем по морю до Танаиса 2200 стадий. Если плыть вдоль побережья Азии, то расстояние немного увеличится...”. Для преодоления этого пути необходимо было три-четыре дня. При таких скоростях

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

хотя бы приблизительно, указывать на объем производства товарного вина гераклейских хозяйств, поставлявших свою продукцию в Танаис в середине III в. н.э.¹⁰ К сожалению, сравнить их в настоящее время в области Гераклеи Понтийской не с чем. С.Ф. Стржелецкий провел расчеты производительности виноградников на хоре Херсонеса, расположенного в схожих с Гераклеей природных условиях. Согласно им, в эллинистическое время (до общего сокращения площади виноградников и укрупнения хозяйств на хоре этого центра) годовое производство товарного вина в среднем хозяйстве здесь составляло около 3600 дл [Стржелецкий, 1961, с. 152, 153], что в среднем соответствует полученным здесь данным. При этом нужно учитывать, что показатели для области Гераклеи могли быть и выше, так как её природные условия более благоприятствовали виноградарству. Кроме того, и число пифосов в хозяйствах также могло быть больше, если помнить приведенные выше сведения о винодельнях¹¹.

По мнению С.Ю. Внукова, физический объем гераклейского импорта в период расцвета этого центра в I в. н.э. должен был составлять в среднем 69% от общего объема ввозимого в Северное Причерноморье вина. Таким образом, в абсолютных величинах поставки составляли от 8970000 до 13800000 л в год [Внуков, 2006, с. 213-214]. Используя эти данные, можно подсчитать приблизительное число винодельческих хозяйств, способных произвести указанное количество вина¹². Получается, что указанный объем продукции могли обеспечить от 220 до 536 средних хозяйств, подобных херсонесским. По расчетам С.Ю. Внукова, таких хозяйств в I в. н.э. могло быть около 249-383. При этом он отмечал, что полученный им показатель меньше количества клеров на хоре Херсонеса. Сельскохозяйственная территория Гераклеи значительно превышала площадь ближней хоры Херсонеса, а её природные условия более благоприятствовали виноградарству [Внуков, 2006, с. 234]. В таком случае возможность существования 536 специализированных хозяйств не кажется чем-то удивительным.

Чтобы представить размер надела, который бы мог обеспечить производство известного нам количества вина, мы можем воспользоваться данными итальянских аграриев античного времени. Сопоставив данные, имеющиеся у Катона, Колумеллы и Плиния, В.Д. Блаватский пришел к выводу о том, что с одного югера винодельческого хозяйства античного времени выходило 500-

¹⁰ Здесь не учитывается количество вина, произведенного для собственного потребления.

¹¹ Кроме того, если цифру 130 (а такое количество сосудов в хозяйстве вполне вероятно), нанесенную на амфору городища «Казанское I», понимать как указание на номер пифоса при емкости амфор от 2,5 до 5,5 л, общие показатели также могут значительно увеличиваться.

¹² Понятно, что подобные расчеты не совсем корректны, так как для середины III в. н.э. используются исходные данные I в. н.э. Но, к сожалению, другой информации пока нет. С.Ю. Внуков полагал, что после I в. н.э. поставки вина из Гераклеи могли несколько сокращаться [Внуков, 2006, с. 214].

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

авторов, при описании процессов и способов изготовления вина и масла немалое место уделяют подготовке для этого пифосов. В частности, здесь отмечается, что для приготовления хорошего вина “очень больших пифосов не надо. В большинстве случаев вино в таких пифосах не бродит потому, что места для него достаточно и оно начинает от собственного обилия выливаться и теряет не только запах, но и цвет. Маленькие же сосуды много способствуют сохранению и хорошему качеству вина. Поэтому следует готовить маленькие пифосы. Если же у нас имеются старые большие пифосы, то будем вливать в них слабое и худшее вино...” [Геор. VI.3.9-11. перевод Е.Э. Липшиц].

Получается, что если не следовать этим рекомендациям, то вряд ли можно было произвести крепкое и ароматное гераклеийское вино [Athen., I, 32b] в таре, объем которой указывался на наших амфорах (средняя емкость около 1300 л). Но, как мы помним, именно о больших, пятидесятиамфорных пифосах говорит Катон, давая рецепт приготовления имитации косского вина с использованием несортного винограда и добавлением морской воды [Cato, 112, 1-3]. В римское время, по мнению С. Ю. Внукова, под влиянием римских колонистов население области Гераклеи могло перейти к массовому производству такого косского вина [Внуков, 2003, с. 278; Максимова, 1956, с. 333; Сапрыкин, 1986, с. 98]. Видимо, именно это достаточно дешевое вино перевозилось в псевдокосских амфорах типа С I (по Внукову), которые производились в Геракле Понтийской на рубеже эр. О свойствах вина, разливавшегося в узкогорлых светлоглиняных амфорах, определенных сведений нет. Но, вполне вероятно, что традиции производства косского вина продолжают существовать и в первые века нашей эры, но разливалось оно уже в узкогорлые светлоглиняные амфоры. И, может быть, это вино гераклеийского производства, резко преобладавшее в импорте Северного Причерноморья с I в. н.э., ольвиополиты называли “дрянным” [Dio. Chrys., XXXVI, II; Внуков, 2003, с. 278]. Таким же дешевым вином, вполне возможно, удовлетворялось и в повседневной жизни население Танаиса. Кроме того, судя по трезнам вокруг курганов и свидетельству Страбона, значительная часть этого напитка предназначалась кочевникам [Strabo. XI, II.3], среди которых вряд ли было много истинных ценителей, нуждавшихся в дегустации настоящего хиосского, фалернского или мамертинского вина.

2.2. Стандартные надписи II позиции (цифровые пометки)

Используя вышеуказанное деление надписей (по Д.Б. Шелову и Б. Бёттгеру), мы остановимся на пометках позиции II. Часто они единственны на сосуде. Нередко их сопровождают имена (надпись позиции III), иногда над ними стоят сочетания букв или отдельные буквы в позиции I (рис. 9, 1-26).

Толкования этих пометок достаточно разнообразны, но наиболее развернутый анализ их был проведен Д.Б. Шеловым и Б. Бёттгером, которыми и сделан

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

ры в мерные сосуды. При такой методике замеров водопоглощаемость стенок амфор практически не отражается на конечном результате. Кроме того, объем 50 сосудов из общего количества амфор был повторно измерен при помощи пшена. В большинстве случаев разница в результатах при использовании воды и пшена достигала 0,025-0,05 л. Вода (пшено) заливалась в амфоры до уровня верхнего крепления ручек к её горлу. Это связано с тем, что именно в этом месте находился изготовленный из стенки кружального сосуда дисковидный стопор у одного найденного на городище горла светлоглиняной амфоры (рис. 5, 4). Такие стопоры, составляющие значительное количество среди находок в слоях римского времени Танаиса, служили, вероятно, для опоры сырцовых пробок, которыми запечатывали устья амфорных горл (рис. 5, 3). Необходимость такой опоры могла быть связана с тем, что пробка из необожженной глины, гипса, воска и т.п. при прямом контакте с содержавшейся в сосудах жидкостью до момента своего затвердевания без ограничителя могла, размягчившись, провалиться, либо частично осыпаться внутрь амфоры (рис. 5, 5). «Геопоники» советуют следующее: «...закрыв (сосуд) крышкой, тщательно замажь её гипсом» [Геор. VI.16.1. перевод Е.Э. Липшиц]. Далее мы находим еще один совет: «Нужно, переливая вино в горшки, наливать их не до краев, а немного ниже горла, чтобы вино не задохлось и имело «продух» [Геор. VI.7.10. перевод Е.Э. Липшиц]. Из этого следует то, что между стопором и жидкостью также существовал какой-то зазор. Но он, скорее всего, был не очень велик и находился в пределах узкого горла амфоры, поскольку считается, что, для уменьшения риска уксусного скисания или образования плесени при хранении, контактная площадь поверхности вина с воздухом должна быть минимальной [Винокуров, 1999, с. 143]. Таким образом, неучтенный при замерах зазор не может значительно исказить наши данные.

В связи с вышесказанным, мы не включали в таблицу измерений количество жидкости, помещавшееся в горле амфоры от верхнего прилепа до устья горла (почти у всех сосудов оно составляло 0,025 л). Конечно, нужно помнить, что при транспортировке и длительном хранении количество вина должно было уменьшаться за счет испарения через стенки сосуда. Однако, обнаружить точное количество убывшего продукта можно было лишь после вскрытия сосуда в пункте назначения или взвесив его до отправки и по прибытию. Вероятно, эти величины также не были столь существенны, чтобы сильно исказить картину. Но, тем не менее, при наших замерах мы учитывали и вес амфоры

В результате замеров было установлено, прежде всего, что жесткого стандарта емкости у имеющихся в комплексах амфор не существовало (таблицы 3; 4). При сохранении сходной морфологии амфор, их объемы достаточно разнообразны: от 2,270 л (амфора из помещения Т), 2,300 л (помещение ЕЖ) до 4,200 л (амфора из помещения Е), 4,350 (помещение КА) и 5,450 л (цистерна Усадьбы 13). Также колебался и вес сосудов – от 1800 гр. до 3000 гр.

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

в той же манере, но с измененной первой буквой – «ХОМА» (рис. 9,10). Четырнадцать амфор и восемь амфорных горл с пометкой «ПОМА» не имели дополнительных цифровых обозначений (приложение 1, табл. 6, № 1-14; табл. 7 № 37-44). Кроме того, в подвале обнаружено еще шесть амфор, на которых вместо пометки «ПОМА» или «ХОМА» рядом с цифрами II позиции были нанесены иные обозначения (приложение 1, табл. 6, №№ 73-78; табл. 7, № 45). На сохранившемся горле еще одной амфоры стояла монограмма ΔΑΡΒ (приложение 1, табл. 7, № 46), подобная тем, что были обнаружены на амфорах в подвалах ВЗ и МБ на раскопе XIV (рис. 11,6-16). Таким образом, из подвала 7 оказались пригодными для анализа 78 целых амфор и 46 амфорных горл с надписями. В соседнем подвале 5 найдены крупные красноглиняные амфоры (31 штука), стоявшие в четыре ряда. По мнению исследователей, строгое разделение амфор в подвалах 5 и 7 указывает на специализацию складирования [Арсеньева, Бёттгер, 1999, с. 35-37]. Многие имена на амфорах типа D из подвала 7 явно были нанесены одновременно, а сами амфоры, скорее всего, принадлежали к одной партии. На 41 амфоре (с учетом фрагментов горл) цифровые пометки располагались на противоположной от имени стороне. Остальные - на той же, что и именные маркировки, выше или ниже имени. При этом в двух случаях имя было нанесено поверх цифровой надписи (приложение 1, табл. 6, № 37; табл. 7, № 2). Пометка ПОМА в еще одной маркировке была написана с учетом цифры, из-за чего, по всей видимости, последняя буква перенесена во вторую строку (приложение 1, табл. 6, № 46). Почерк и краска в цифровых пометках отличались от характера нанесения букв и цвета именных пометок (рис. 10,1-6). На этом основании можно предположить, что именные маркировки наносились несколько позже цифровых. Для сопоставлений мы отобрали 58 целых амфор с цифровыми пометками, на которых, кроме цифр, имелись еще и одинаковые надписи в III позиции «ПОМА» и «ХОМА» (приложение 1, табл. 6, № 15-72). В таблице амфоры размещены в порядке возрастания цифрового значения пометки (приложение 1, табл. 6, №№ 15-72).

В ходе замеров выяснилось следующее. Одна целая амфора, объемом в 2,600 л и весом в 2 кг, имела пометку с цифрой α (1) (приложение 1, табл. 6, № 15). На другой целой амфоре, объемом в 2,600 л и весом в 1,8 кг, видна цифра ι (10) (приложение 1, табл. 6, № 18). Следующие два сосуда: 1. объемом 2,775 л и весом 1,9 кг; 2. объемом 2,900 л и весом 2 кг, стоит пометка ε (5) (табл. 6, №№ 16, 17). На двадцати из промеренных амфор имелись пометки в виде цифры- ια (11) (табл. 6, № 19-38). Объем амфор с такой меткой колебался от 2,550 л до 3,200 л, а вес - от 1,6 кг до 2,1 кг. Цифра ιβ (12) обнаружена на 4 амфорах (табл. 6, №№ 39-42), имевших объем от 2,600 л до 2,950 л при весе от 1,8 кг до 2,2 кг. Цифра ιγ (13) сопровождала 13 амфор (табл. 6, № 43-55) с объемом от 2,400 л до 2,980 л и весом от 1,8 кг до 2,2 кг. Цифра ιε (15) обнаружена на 9 амфорах (табл. 6, №№ 56-64), имевших объем от 2,650 л до 3 л при весе от 1,7 кг до 2 кг. Цифра ις (16)

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

амфоре (табл. 8, № 35), объем которой составлял 3,470 л (должно находиться 3,151 л) при весе 2,100 кг. Три амфоры с цифрой ιθ (19) имели объем от 3,170 л до 3,450 л (должно быть – 2,603 л) и вес от 2 кг до 2,2 кг (табл. 8, №№ 22-24). Кроме того, одна целая амфора с цифрой ια (11) имела добавочный знак в первой позиции в виде лунарной сигмы (табл. 8, № 37; рис. 9,17,18), то есть объем, выраженный, по мнению Д.Б. Шелова, в котилах (0,273 л). Объем этой амфоры составлял – 2,925 л (должно быть – 3,003 л), а вес – 2,4 кг. Такие же добавочные знаки были обнаружены на горлах еще, по крайней мере, 14 светлоглиняных амфор, сохранившихся во фрагментах [Шелов, 1989, стр. 116].

Следующий блок из этого же помещения составляли амфоры без добавочной маркировки. Четыре амфоры, помеченные цифрой ι (10) имели объем от 3,300 л до 3,400 л (если это выражено в котилах, то в них должно быть – 2,730 л; в полукотилах – 1,370 л) при весе от 2,1 кг до 2,5 кг (табл. 8, № 2-5). Еще четыре сосуда (табл. 8, № № 7-10) имели пометку в виде цифры ιβ (12). Их объем составлял ряд от 2,275 л до 3,100 л (должно быть в котилах – 3,276 л; в полукотилах – 1,644 л), при одинаковом весе – 2,2 кг. Две амфоры с пометкой ιε (15) помещали в себя 2,900 л и 3,575 л (должно быть в котилах – 4,095 л; в полукотилах – 2,055 л), при весе 2,1 кг и 2,450 кг, соответственно (табл. 8, №№ 11, 12). Объем следующих четырех амфор с пометкой ις (16) находился в промежутке от 2,825 л до 3,100 л (должно быть в котилах – 4,368 л; в полукотилах – 2,192 л) при весе от 2 кг до 2,2 кг (табл. 8, №№ 13-16). Пометку ιζ (17) имели две амфоры с объемом 3,200 л и 3,350 л (должно быть в котилах – 4,641 л; в полукотилах – 2,329 л) при весе 2,45 кг и 2 кг (табл. 8, №№ 17, 18). И еще одна целая амфора несла на себе цифру κβ (22). Реальный объем этого сосуда составлял 3,500 л (в котилах должно быть – 6 л; в полукотилах – 3,014 л), вес – 2,2 кг.

Итак, сопоставляя данные из двух комплексов, приведенных выше, мы можем отметить, что при пересчете значений цифровых отметок, нанесенных на сосуды, в котилы и полукотилы, полученные результаты в большей своей части не соответствуют реальным объемам амфор. Если считать, что объем выражался в котилах, то емкость части амфор была значительно ниже указанной на них цифры. Сходную картину мы можем наблюдать, анализируя и материалы из других комплексов Танаиса. Например, пометку в виде цифры Ι(α) имеют амфоры с объемом от 2,600 л (подвал 7, р.ХІХ) до 3,500 л (подвал МБ, раскоп ХІV); пометку 23 (κγ) мы находим и на амфоре с объемом в 2,750 л (постройка 11, р.ХІХ) и с объемом в 3,470 л (помещение Т, раскоп ІV). В том же случае, когда цифры, по мнению исследователей, указывали на объем в полукотилах, следует предполагать заполнение амфор едва ли до половины. Это сомнительно даже с учетом того, что количество вина при перевозке и хранении уменьшалось из-за испарения через стенки сосудов. Если бы таких пометок было сравнительно мало, то это могло бы свидетельствовать о какой-то особой ценности продуктов, хранящихся в амфорах.

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

δ	4	0,548	1,092	2,900	3,57	3,258
ε	5	0,685	1,365	2,800	3,900	3,232
ς	6	0,822	1,638	3,200	3,540	3,342
ζ	7	0,959	1,911	3,300	3,360	3,322
η	8	1,096	2,184	2,680	3,350	3,008
θ	9	1,233	2,457	3,425	-	3,425
ι	10	1,37	2,73	2,700	5,000	4,474
ια	11	1,507	3,003	2,500	3,700	3,036
ιβ	12	1,644	3,276	2,270	3,700	3,072
ιγ	13	1,781	3,549	2,300	3,300	2,745
ιδ	14	1,918	3,822	2,280	3,600	3,203
ιε	15	2,055	4,095	2,500	3,570	2,934
ις	16	2,192	4,368	2,700	3,900	3,023
ιζ	17	2,329	4,641	3,350	3,600	3,400
ιη	18	2,466	4,914	2,810	3,500	3,111
ιθ	19	2,603	5,187	2,700	3,870	3,325
κ	20	2,74	5,46	3,32	3,600	3,510
κα	21	2,877	5,733	2,900	3,600	3,238
κβ	22	3,014	6,006	2,700	3,500	3,078
κγ	23	3,151	6,279	2,700	3,400	3,110
κδ	24	3,288	6,552	-	-	-
κε	25	3,425	6,825	2,900	3,000	2,950

Из приведенных примеров видно, что амфоры с одинаковыми параметрами несли на себе различные цифры, и наоборот. Возможность того, что в каждом случае применялись различные способы измерения содержимого, кажется маловероятной. Такой вид маркировки значительно усложнил бы учет товаров их владельцам. А, судя по количеству амфор в комплексах Танаиса, здесь были налажены поставки достаточно крупных партий товара. Проще всего торговлю могла обслуживать унифицированная, понятная для всех система обозначений. Тогда это может значить то, что или предположительная система измерений выведена не верно, или цифры обозначали нечто иное. Логично было бы предположить, что с увеличением веса амфоры должно хоть как-то увеличиваться и цифровое значение в маркировке. Но изменения весовых показателей пустых амфор также не соответствуют цифровым отметкам на них.

Из предложенных выше версий остается только возможность нанесения владельцами подвалов порядковых номеров на сосуды в партиях товаров. Однако

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

ли оставаться собственные системы календарей, что влекло за собой некоторые трудности в международной торговле. Уменьшить это могли гимерологические таблицы, содержавшие сопоставление разных систем летоисчисления, некоторые из них дошли до нас в папирусах IV-V вв. н.э. [Samuel, 1972. p. 177 ff.]. Боспор и Гераклея имели сходную македонскую систему летоисчисления. Но если Гераклея должна была перейти на юлианский календарь как составная часть римской провинции Вифиния – Понт, то это вовсе не обязательным было для многих территорий Северного Причерноморья. На амфорах, в таком случае, даты могли указываться в двойной системе, ориентируясь на потребителя. Но с этой точки зрения пока трудно объяснить большие двузначные числа (больше тридцати одного), встречающиеся на некоторых светлоглиняных амфорах.

В этой связи кажется целесообразным вновь обратиться к известным нам из предыдущего раздела работы узкогорлым светлоглиняным амфорам типа D с пометками т.н. группы «*γευματήρα*», обозначавшими пробы содержимого амфор перед последующей закупкой партий товара. Если выразить содержание надписей этой группы в виде условной схемы блоков информации, то получится, что первый блок в них содержит общее для всех слово «*γευματήρα*» (сосуды с пробным напитком), т.е. – назначение и вид товара; второй блок – слово «*πίθου*» (из пифоса) плюс одно или двухзначный номер – происхождение (= качество) товара; третий блок – слово «*λαγύνοι*» (сосудов) и трехзначное число, т.е. – количество товара к продаже (рис. 3, 13). Примечательно, что во втором и третьем блоках подобных надписей имеются числовые знаки. И если в третьем блоке находятся, как правило, большие, трехзначные цифры, то пометки второго блока содержат цифровой ряд от 1 до 25, что вполне сопоставимо с теми числами, которые мы рассматривали выше.

Вернувшись к схеме деления надписей по трем позициям, которую применяли Б. Бёттгер и Д.Б. Шелов (о ней шла речь в самом начале раздела), мы можем увидеть, что при наличии всех трех позиций интересующие нас цифры также расположены во втором блоке информации (II позиция). А из этого может следовать, что число обозначает не что иное, как номер пифоса, из которого происходило содержимое амфоры и, соответственно, единое для всех сосудов данной партии качество содержимого. В качестве подтверждения такого предположения может служить надпись группы «*γευματήρα*», обнаруженная в 2003 году на раскопе XIX на одной из амфор подвала постройки 11 (Т-03-ХІХ, квадрат 01/4, -8.01, -6.40-7.70, постройка 11, № 30, № 2405). Надпись состояла из четырех строк (рис. 7,17; 8, 3):

ια´
γευμα(ατηρά)
λαγύνοι
υος´

Перевод: 11 / проба/ лагинов/ 476.

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

(уже в самом Танаисе) на амфору наносили последнюю, самую яркую надпись. Но если принимать во внимание возможность обозначения цифрами номеров пифосов, из которых заполнялась амфора, то вполне допустимо предполагать неоднократное использование одних и тех же сосудов. Примером вторичного использования могут служить амфоры, заполненные нефтью Чонгелека, расположенного в 30 км к югу от древнего Пантикапея. Доставка в амфорах нефти отсюда к устью Дона – в Танаис была простым и обыденным делом [Кострин, 1971, с. 264-265; Шелов, 1971, с. 70-74]. Может быть, надпись «*ναφα*» появилась именно там, перед отправкой сосудов. Однако после нефти или масла амфора вряд ли могла вновь использоваться для других продуктов. Но вторичный залив вина одного и того же качества, на мой взгляд, вполне допустим.

Большой объем поставок, который мы наблюдаем на примере Танаиса, вряд ли может быть свидетельством дороговизны и высокого качества напитка. Не в пользу высокого качества вина говорят и размеры пифосов, указания на которые имеются в надписях группы «*γεωματηρά*» (1000 - 1500 л) [Ильяшенко, 1996, с. 65, см. также предыдущий раздел]. Но, вместе с тем, большие пифосы указывают на товарное производство вина, которое, несомненно, имелось в Гераклее Понтийской и в первые века нашей эры. Подтверждается это и широкой распространенностью её узкогорлых светлоглиняных амфор на территории Северного Причерноморья.

При этом известно, что во многих городах азиатского и европейского Боспора было немало собственных виноделен, также рассчитанных, по мнению исследователей, на товарное производство [Винокуров, 1999, с. 90; Алексеева, 1997, с. 159, 167]. Но до сих пор ни в одном производящем вино центре Боспора не выявлено такого масштабного производства малолитражных (и, соответственно, более простых для транспортировки) амфор для вина, которое было бы сопоставимо по количеству с узкогорлыми светлоглиняными амфорами. По мнению И.Б. Зеест, производство вина во II-III вв. н.э. становится одной из важных отраслей хозяйства боспорских городов, что вызвало необходимость в изготовлении местной керамической тары. Но это были большие громоздкие сосуды, более приспособленные для хранения продуктов, чем для их перевозки [Зеест, 1961, с. 37]. Кроме того, малый размер амфоры мог способствовать улучшению имиджа содержимого. Так, например, античный медик II в. н.э. Гален советовал избегать вин, которые находятся в больших сосудах, так как оно плохо пахнет, густое, вязущее и неприятное. Вино же в маленьких сосудах не имело, по его мнению, подобных недостатков и является вполне приемлемым. По размеру тары можно было различать качество вин, происходящих даже из одной местности. То же говорят о сицилийском вине: то, что в больших сосудах (*ἐν τοῖς μεγάλοις κεραμείοις*) – вредно; то, которое в маленьких лагинах (*ἐν τοῖς μικροῖς λαγυνίοις*) – полезно для желудка. Медик может узнавать по виду сосуда вино, которое можно

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

назначались, по мнению Е. М. Алексеевой, для заполнения местным вином, часть из которого продавалась в тот же сезон, а часть выдерживалась [Алексеева, 1997, с.158, табл. 166,167]. С этой точки зрения вполне можно объяснить и вторичные пометки, встречающиеся в изобилии на амфорах Танаиса. В них могли поставлять свою продукцию и близлежащие центры, повторно используя амфоры Гераклеи. Вымыть уже использовавшиеся амфоры было дешевле, чем заказать новые¹⁴. Здесь же могли наносить новые пометки, соответствующие общепринятым стандартам. Но это не отменяет возможности неоднократного использования амфор еще и на производившей их территории.

Конечно, какая-то часть привозного вина (например, прибывавшего в больших красноглиняных амфорах) могла разливаться по мелким амфорам и непосредственно в Танаисе, в том числе и в питейных заведениях. Так, по мнению А. Опаита, переливание вина из большой амфоры по более мелким, способствовало его лучшему сохранению, в том случае если большая амфора была открыта, но не опустошена полностью [Opait, 2004, р. 91]. На территорию Нижнего Дона, таким образом, в узкогорлых светлоглиняных амфорах могла поступать продукция как северопричерноморских, так и гераклейских винодельческих хозяйств.

Подобная торговля была вполне возможна в период до середины III в. н.э., который характеризуется наибольшей стабильностью политического и экономического развития региона, расцветом его экономики и торговли. [Внуков, 2003, с.274-276].

В дальнейшем ситуация изменяется. Подвергаются разрушению многие припонтийские поселения. Объемы винной торговли значительно сокращаются. Поставки извне уменьшаются. Амфоры в большей своей части уже имеют только одну, как правило, именную пометку без позднейших редакций. Цифровые пометки для этого времени редки.

Следующий вопрос – кому принадлежали имена III позиции. К нему мы переходим в следующем параграфе главы.

2.3. Именная принадлежность танаисских комплексов (по материалам *dipinti*)

Основываясь на предположительном смысловом содержании, Д.Б. Шелов и Б.Бёттгер условно разделили надписи краской на амфорах из Танаиса на три группы: 1. Обозначение или характеристика содержащегося в амфорах продукта; 2. Числовые данные; 3. Личные имена и монограммы.

¹⁴ «Прежде чем вливать в пифосы муст, их необходимо вымыть с помощью губки очень крепким рассолом, а затем окурить ладаном» [Геор. VI.12.1]. «Нужно сразу же после того, как выжимки убраны из давилни, подмести и давилню и чан и вымыть их с помощью губки морской водой или рассолом и окурить» [Геор. VI.13.3]. «В котил, служащий мерой, влей сладковатого укуса, и через три дня он станет чистым» [Геор. VI.15.1].

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

вал принадлежал совладельцам (компаньонам) [Бёттгер, Шелов, 1998, с. 126]. Например, в качестве владельца усадьбы, в которую входили постройки А, Д, З на IV раскопе, определялся человек, которому принадлежала пометка АЛЕ по той причине, что 25 амфор имело такие надписи, а в качестве его компаньона выделяется владелец имени ΣΑΜ, который пометил 9 амфор. Остальные имена, встречающиеся здесь в меньшем количестве, принадлежали прочим торговцам города, у которых владельцы усадьбы приобрели амфоры.

Еще одним ярким примером подобной реконструкции является крупная усадьба, к которой относятся раскопанные в 1976, 1977, 1980 и 1989 гг. помещения ВБ, ВГ, ВЦ, ВЧ и БФ. Общая площадь комплекса достигает 250 кв.м. Наибольший интерес в нем вызвал подвал ВБ, находки которого состояли, главным образом, из керамического материала. Всего в подвале находилось, по меньшей мере, 227 сосудов, среди которых 169 светлоглиняных и 37 красноглиняных амфор. Из светлоглиняных выделялась группа из семи амфор типа Д «столового» варианта. Всего найдено 273 надписи, из них 268 на светлоглиняных и 5 пометок на красноглиняных амфорах, из которых видна четко лишь одна. В 125 случаях на плечики амфор нанесены сокращения личных имен. Б.Бёттгер, посвятивший отдельную публикацию дипинти из данного комплекса, сделал совершенно оправданный, на мой взгляд, вывод о том, что разные имена на амфорах нанесены различными авторами. Сами же амфоры, по мнению исследователя, происходили, по меньшей мере, из восьми партий, принадлежавших четырем различным владельцам, пользовавшимся складом сообща [Бёттгер, 1981, с. 207, 212].

Подобные наблюдения послужили базой для любопытных реконструкций внутригородских торговых операций. Согласно выработанной схеме, если в одном комплексе находили большое число амфор с надписями, а в другом такие же сосуды со сходными пометками, но в меньшем количестве, то это должно было означать, что одни владельцы танаисских усадеб продавали свои товары, помеченные именованным маркером собственности, другим танаитам. Я не могу полностью отрицать возможность такой реконструкции, но нельзя останавливаться лишь на этой версии. Если исходить из нее, то надо полагать, что обменивались танаисские торговцы в основном амфорами типа Д. Но, получая амфору, новые собственники уже почему-то не маркировали их заново перед постановкой в свой подвал. Это странно, так как, согласно выводам Б. Бёттгера, большая часть хранилищ Танаиса находилась в собственности компаньонов (часто их было три или четыре) [Бёттгер, 1981, с. 207, 212]. Маркировка здесь, действительно, была бы уместна. Но каждый из совладельцев склада, судя по надписям, часто являлся обладателем крайне малого количества товаров - 7-9 небольших амфор. Конечно, это можно объяснить тем, что в сосудах находилось особенно ценное содержимое (хотя подтверждающих вывод пометок на однотипной таре мы не находим), или большая часть товара к моменту гибели подвалов была

Глава 2

распродана. Тогда, при подобной реконструкции событий, бедные компаньоны превращались в удачливых совладельцев.

Кроме того, надписи в комплексах брались суммарно, без учета типов амфор, на которых они находились. В настоящее время количество исследованных древних хранилищ с амфорами значительно возросло. Даже при крайне условном делении амфор на светлоглиняные (под коими чаще всего подразумеваются амфоры типа D и её «столовый» вариант) и красноглиняные (сосуды крупного размера, какими можно назвать, пользуясь классификацией Т.М. Арсеньевой, С.А. Науменко, Усадьбы 14; Усадьбы 25,1; Усадьбы 26; Усадьбы 40)¹⁵ и прочие (амфоры средней емкости, предназначавшиеся, вероятно, для транспортировки вина и масла - Усадьбы 27,1,2; Усадьбы 28,1; Усадьбы 38, 1-4), бросается в глаза различие пометок на них.

В готовящейся к изданию монографии Б. Бёттгера и С.А. Науменко «Танаис и его амфоры» выделено 77 типов амфор, обнаруженных на территории городища и некрополя первых веков нашей эры¹⁶. Надписи на больших красноглиняных амфорах этого периода, так же, как и на узкогорлых светлоглиняных, наносили в рамках каких-то правил. Но эти правила несколько различались, вероятно, исходя из того, что для больших амфор, действительно, важно было указать объем и, может быть, вес. Любопытно то, что большие амфоры, найденные в комплексах I в. н.э., уже содержат на себе именные пометки. Имена написаны полностью, в родительном падеже. В надписях II в. н.э. к именам начинают добавляться дополнительные буквенные сокращения. К сожалению, хорошо сохранившихся подвалов этого времени в Танаисе открыто пока не так много.

Примером закрытого комплекса II в. н.э. может служить подвал ЕХ, исследованный в 1989 г. на раскопе XIV [Арсеньева, Науменко, 1992, с. 80-83]. На полу подвала тесно размещались пустые амфоры, многие из которых стояли горлами вниз. Среди них большую часть составляли крупные амфоры с воронковидным горлом [Арсеньева, Науменко, 1992, рис. 30-32] (рис. 2,1). Не менее чем на 10 сосудах имеется имя ΛΕΥΚΙΟΥ (рис. 2,2-6). На ручках у двух амфор этого типа стояли фабрикантские клейма: 1. ΜΕ [Арсеньева, Науменко, 1992, рис. 32, 2]; 2. ΑΠΟΛΛ [Арсеньева, Науменко, 1992, рис. 28, 4]. Иные типы амфор из подвала ЕХ [Арсеньева, Науменко, 1992, рис. 15, 39; 28, 1] содержали другие имена или сокращения: ΜΑΡΛΕΥ (рис. 2,7-8), ΧΑ и др. Одни и те же имена на разнотипных амфорах не повторялись. Однако, для более обширных на-

¹⁵ В дальнейшем для краткости изложения здесь используются сокращенные наименования амфор: по публикации Т.М. Арсеньевой и С. А. Науменко [Арсеньева, Науменко, 1992. рис. 14-49] – Усадьбы 14, Усадьбы 15 и т.д.; по публикации И.Б. Зеест [Зеест, 1960] – Зеест 75, Зеест 80 и др.; по публикации Робинсона [Robinson, 1959, р. 68, табл. 15, К 112] – Robinson К 112. Прорисовки амфор для данного раздела любезно предоставлены С.А. Науменко.

¹⁶ Информация предоставлена С.А. Науменко.

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

блюдений, как и в случае с амфорами типа С, информации пока недостаточно. Поэтому наиболее полную картину дают надписи на больших красноглиняных амфорах, использовавшихся в основном для хранения зерна и рыбы в подвалах в закрытых комплексах Танаиса середины III в. н.э. (рис. 4,1; 14,1; 15,5; 20,4; 21,1; 22,1; 28,1; 31,5).

Надписи на них, как правило, состояли из двух блоков информации (рис. 4,2-3). Первый блок – это цифровая пометка, предварявшаяся знаком ξ. Он, по мнению Д.Б. Шелова, являлся указанием на измерение объема содержимого сосуда, выраженного в ксестах [Шелов, 1989, с. 114]. Цифра, чаще всего, была двузначная и достаточно большая - 60, 70 и т.д., но есть и однозначные - А, В. Подобные надписи (как *dipinti*, так и граффити) известны не только в Танаисе. Например, горло амфоры типа Зеест84, а-б; Зеест 72 из Горгиппии [Сапрыкин, 2002, с. 288-289, рис. 2, 8, 9].

Второй блок - одно или два имени (или сокращение имен) (рис. 29,2). Оба блока присутствуют на амфорах из Горгиппии – Зеест 77 [Алексеева, 1997. табл. 86,8,9; табл. 95,3; табл. 112,13]. На части амфор могли присутствовать пометки какого-то одного блока информации. В некоторых случаях можно предполагать, что двойное имя принадлежало одному человеку (имя и патронимик), например, ΛΟΜΠΙΟΥ ΡΟΥΦΟΥ (подвал М) (рис. 17,6). В других – первое имя могло принадлежать адресату, а второе отправителю (рис. 30,4-5; 31,2-3,5-6). Примером такого сочетания может служить красноглиняная амфора из Ново-Отрадного, на которой имелась надпись красной краской Θύου ἀπὸ Ἀλεξάνδρου [Кругликова, 1975, с. 239, рис. 96], или граффито на обломке плечика амфоры из подвала ГО Усадьбы 15 – двухстрочная надпись ΡΗΓΕΙΝ[/ ΠΑΡΑ ΚΥ[(рис. 32,5). Танаисские пометки на больших амфорах не являются в этом смысле уникальными.

Иногда имена второго блока информации, явно нанесенные в разное время и различающиеся почерком, располагались по разные стороны амфоры, что так же, как и у светлоглиняных амфор, вероятно, свидетельствует о повторном использовании сосудов.

Примечательно, что информация первого блока наносилась, как правило, один раз и не возобновлялась даже тогда, когда именную часть исправляли или добавляли. Это отличает надписи на больших амфорах от пометок на амфорах типа D. Возможно, что пометка первого блока, однажды нанесенная на большую амфору в центре первичной отправки, теряла смысл после первого же цикла торговли, т.е. новое содержимое было уже совсем иное, и для него важным было лишь происхождение или принадлежность (имя).

Достаточно большое количество красноглиняных амфор несло на себе пометки в виде именных граффити, которые редко имеют повторы в надписях краской на тех же сосудах.

Остальные (прочие) амфоры, как правило, содержали только одно имя,

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

ток, содержащих имена, на амфорах типа D для определения имени владельца комплекса (усадыбы).

Из каталога 2 приложения 2 и таблицы 10 приложения 1 видно, что среди именных пометок на амфорах типа D имеются достаточно частые повторы как внутри комплекса, так и в различных комплексах. Но все эти надписи отличны от пометок на прочих типах амфор из тех же комплексов. Повторы *dipinti* на красноглиняных амфорах также присутствуют в рамках типов, иногда вне зависимости от места нахождения сосудов. Красноглиняные амфоры более статичны, их меньше в комплексах, и, скорее всего, именно они должны давать маркер собственности. Таковым, например, может являться буква М – в подвале МБ. Однако в большинстве остальных комплексов с разнотипными амфорами мы обнаруживаем, что подобные совпадения отсутствуют.

Иногда, впрочем, совпадения в сокращениях имен на красноглиняных и светлоглиняных амфорах все-таки встречаются¹⁸. Но эти сосуды происходят из разных усадеб, а почерк надписей различен. Такое соотношение можно, правда, достаточно схематично, отразить следующей таблицей:

Таблица 5.

Имена на амфорах из комплексов Танаиса середины III в. н.э.

Имена на амфорах типа D	Комплексы с амфорами D (раскоп)	Имена на красноглиняных и прочих амфорах	Комплексы с красноглиняными и прочими амфорами (раскоп)
АГА	ВЗ(XIV), МБ(XIV), У(XIV)	АГАΘΕ	М(IV)
АЛЕ.	Д(IV), А(IV), З(IV)	АΛΕ	С(IV)
АЛО	Л(IV)	ΑΛΘ	Г(IV),
ΑΝ	Т(IV), М(IV) ЭЭ(VI), ВЗ(XIV), ГЖ(XIV),	ΑΝΑ	Т(IV)
ΒΑΓ	З(IV), Т(IV), У(IV), С(IV), ВБ(VI),	ΒΑΓ	Д(IV), МБ(XIV)
ΓΟΡ	ГЖ (VI)	Γορ	ЕЛ(VI),
ΖΗ	Д(IV),	ΖΗ	БР (VI)

¹⁸ Здесь и далее полные формы имени приводятся лишь в тех случаях, когда они сохранились или воссоздание их не вызывает сомнений. Связано это, прежде всего, с тем, что часто «воссозданные» приблизительно имена получают в дальнейших ссылках самостоятельное существование и совершенно не оправдано, на мой взгляд, пополняют ономастикону памятников.

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

Помещение И делилось деревянной перегородкой надвое и имело хозяйственное назначение. В южной его части были обнаружены хлебопекарная печь, две каменные зернотерки и два отдельных жернова, две корзины с обгоревшим зерном (пшеницей и ячменем), восемь крупных красноглиняных амфор (с названными культурами и просом), многочисленная столовая и кухонная керамическая посуда, бронзовый кувшин, железный серп и др. [Арсеньева, Шелов, 1974, с. 154-163]. Северная часть помещения была кладовой, под которой располагался небольшой подвал с несколькими сотнями светлоглиняных амфор типа D. Здесь же были найдены и другие предметы: бронзовый котел, железный треножник, лепная и кружальная посуда [Арсеньева, Шелов, 1974, с. 163-166]. Следует особо отметить лепную четырехугольную курильницу с орнаментом в виде прочерченных по сырой глине косых крестов на боковых гранях. В помещении И и в подвале было обнаружено более двух десятков бронзовых монет, большинство типов которых обычны для танаисских комплексов середины III в. н.э. [Арсеньева, Шелов, 1974, с. 163, 166].

Обширный подвал под помещением М являлся складом-хранилищем. В нем на момент гибели находилось около 600²⁰ амфор различных типов, в том числе, 41 крупная амфора, в основном, с зерном (пшеница, полба, ячмень, просо) и мукой, а также мешок муки. Помимо этого, здесь было обнаружено большое количество керамики, стеклянная посуда, глиняные грузики, железные ножи, топор, молоток, серп, кандалы, бронзовые весы, около десятка монет и некоторые другие предметы [Арсеньева, 1987, с. 20-27; 1988, с. 19-29; 1989, с. 41-50].

Значительный интерес представляет набор неантичной кружальной сероглиняной керамики из Усадьбы 2 [Гугуев, Ильяшенко, Казакова, 2007, с. 432-457]. К моменту катастрофы вся она находилась в наземных помещениях (в основном, в помещении М), а затем попадала в подвалы вместе с остальной домашней утварью. В общей сложности в Усадьбе на момент ее гибели находилось, согласно подсчетам Ю.К. Гугуева, не менее четырех десятков кружальных сероглиняных сосудов. Местная керамика среди посуды, по его мнению, здесь немногочисленна – всего 8 сосудов. Аналогии им нередко встречаются в грунтовых некрополях нижнедонских городищ, в частности, Кобяковском [Косяненко, 1989, с. 12. рис. 12, 15-18]. Гораздо больше в подвалах М и И центральнокавказской керамики – не менее 32 сосудов.

Соотношение привозной и местной неантичной сероглиняной посуды в пропорции 2:1 – 4:1 характерно и для других жилых комплексов Танаиса середины III в. н.э. [Гугуев, 1993, с. 121-122], в которых были встречены практически все из имеющихся в Усадьбе 2 разновидностей раннеаланской керамики [Гугуев, 1993, с. 117-121, рис. 6, 1-4, 7, 1,2, 9, 1,4, 11, 1-3, 12, 2].

В данном случае обращают на себя внимание только необычно большое

²⁰ Подсчеты Л.М. Казаковой.

Глава 2

абсолютное количество центральнокавказских гончарных изделий и обилие среди них крупных форм: двуручников, больших кувшинов и горшков. Конечно, такая концентрация центральнокавказского керамического импорта в Усадьбе 2 (и, в особенности, в помещении М) может объясняться тем, что к моменту гибели в ней вообще было очень много разного рода посуды. Однако нельзя исключить, что здесь сыграли свою роль и иные обстоятельства, которые могут быть выявлены посредством анализа надписей на амфорах, происходящих из данного комплекса.

Практически на все амфоры из Усадьбы нанесены *dipinti*. В помещении И и в подвале обнаружено около 90 надписей подобного рода.

Светлоглиняные амфоры типа D:

- целая светлоглиняная амфора с четкой надписью МΕΧΙ;
- не менее двух обломков с надписью ΑΝΤΙΜΑ (рис. 11,3);
- три горла с надписью ΖΑΧ;
- одна амфора с надписью ΟΕΥΜ (Т-64, 339а);
- один фрагмент с остатком надписи]ΑΒΟ[;
- один фрагмент амфоры с надписью ΑΛΜ или ΑΛΛ.

Красноглиняные амфоры:

- амфора Усадьбы 26,1 (Зеест 77) – граффито на горле ΟΣΙ (рис. 16.1а) и клеймо ΦΑΥΣΤΕΙΝΟΥ с оборотной стороны;
- одна амфора такого же типа с надписью ΠΡΟ на горле (рис. 4,1-2).

Подвал М. Наибольшая по количеству часть амфор из подвала относилась к типу Зеест 77 (Усадьбы 26, 1) – 23 штуки. Следующими по числу найдены амфоры типа Зеест 80 (Усадьбы 16) – 9 штук, Усадьбы 40 – 6 штук, Зеест 84 – 3 штуки и Зеест 72 – 1 штука, Усадьбы 16 – 1 штука.

Кроме того, здесь же найдено 18 узкогорлых светлоглиняных амфор типа D столового варианта, 9 синопских амфор с воротничковым венцом (по С.Ю. Внукову – Син IVб [Внуков, 2006, рис. 1, 15] – Зеест 78 и более 200 узкогорлых светлоглиняных амфор типа D. Часть больших красноглиняных амфор с зерном или мукой была закрыта пробками. Всего в подвале обнаружено более 350 фрагментов и целых надписей на амфорах (рис. 14-19). Они распределялись следующим образом.

Светлоглиняные амфоры типа D. Эти сосуды сильнее всего пострадали от обрушений свода подвала. Поэтому большая часть пометок имеется в виде разрозненных фрагментов (рис. 19). На них сохранились трудночитаемые обрывки, либо цифровые пометки. Кроме того:

- шесть горл содержали надписи типа «*γευματήρα*»;
- одна амфора с именем ΑΝΤΙΜΑ(ΧΟΥ);
- две амфоры с именем ΑΝ;
- одна амфора с пометкой ΑΒ;
- пять амфор с надписью ΣΑΡΟ;

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

- одна - ΑΣΒ;
- одна - ΑΡΙ;
- одна - ΧΟ;
- одна - ΑΓ;
- две - ΣΙΒ;
- одна - ΝΕΑΕ;
- одна - ΗΡΑΚΛ;
- одна - ΑΣΚΛ Ν;
- пять - ΑΣ;
- одна - ΓΕΟ[.]Ν.

Итого минимум 12 имен.

Светлоглиняные столовые амфоры типа D (рис. 14,1).

Одна амфора имела пометку на горле черной краской ΣΕΚΟΥΝΔΟΥ и надпись красной краской на плечиках ΟΣΙΑ ΜΑΡ (рис. 14, 2а,2б). Все остальные сохранившиеся амфоры этого типа (17 штук) имели пометку на плечиках ΟΣΙΑ ΜΑΡ (рис. 14, 3-7).

Амфоры типа Син IV б (Внуков, 2006. рис. 1, 15); Зеест 78 (рис. 15,1). Все сохранившиеся амфоры данного типа имели надпись красной краской на плечиках ΟΣΙ ΜΑΡ (рис. 15,3-4).

Красноглиняные амфоры:

Зеест 77 (Усадьбы 26,1) (рис. 16,1). Не менее 6 амфор имели пометки красной краской на плечиках ΟΣΙΑ ΜΑΡΔΑ или ΟΣΙΑ ΜΑΡ (рис. 16,2-5; 17,1-5). При этом на них же присутствовали и другие имена, нанесенные выше или с другой стороны сосуда: на пяти сосудах - ΑΘΗΝΕ, ΛΑΚΟΝΟΣ (рис. 16,3-4; 17,1); на пяти амфорах – ΠΑΥΛΟΥ (рис. 17,6,8; 18,1-3). На одной амфоре имелась пометка ΟΣΙΑ ΜΑΡ вместе с надписями ΛΟΜΠΙΟΥ ΡΟΥΦΟΥ (рис. 17,1) и ΠΠ[ΑΥ] ΛΟΥ Γ[]. На одной амфоре присутствовала только пометка ΟΧΟΔ ΡΑ[(рис. 17,7); одна амфора имела на плечиках только надпись ΑΠΟΛ(Λ)ΟΝΙ (рис. 18,8).

Зеест 84 (Усадьбы 26,2). На плечиках одной амфоры надпись ΑΓΑΘΕ (рис. 18,9). На плечиках этого же сосуда с противоположной стороны имелась сильно затертая пометка ΕΡΟΝ.

Зеест 80. На плечиках четырех амфор видны остатки надписей: ΟΣΙΑ Μ[ΑΡ; ΟΣΙ[]; ΟΣΙΑ[; ΟΣ[Ι. На одной амфоре этого типа сохранилась поврежденная надпись ΠΑΡ Μ[(рис. 15, 5-8). Еще одна амфора имеет на плечиках пометку ΑΠ[. На фрагментах одной амфоры сохранились остатки надписей]ΑΥΑ и ΣΥΝ. На горле другой (под ручкой) есть двухстрочное вертикальное граффито – ΒΘΥ / ΡΔΔΔ[-]Β. Ниже, на плечиках этого же сосуда, сохранилось еще одно граффито ΠΑ.

Усадьбы 38,1. На плечиках амфоры - граффито – перевернутая Ω

Итого на красноглиняных амфорах мы имеем еще не менее 14 имен.

Всего же в пометках комплекса встречается не менее 26 имен. Из них большая

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

отношение к данному комплексу. Таковыми, на мой взгляд, являются *dipinti* ΟΣΙ ΜΑΡ. И здесь возможны три варианта толкования этих надписей.

1. Одно из двух имен принадлежало отправителю, а другое адресату. Примером существования подобных надписей может служить *dipinto*: Θῦου ἄπὸ Ἀλεξάνδρου на горле большой красноглиняной амфоры первой половины III в. н.э., найденное на поселении у деревни Ново-Отрадное [Кругликова, 1975, с. 241, рис. 96], о котором уже говорилось выше. Но при таком понимании трудно объяснить, почему одно и то же сочетание имен встречается на разных типах амфор подвала, происходящих из разных центров и явно предназначенных для перевозки различных продуктов. В этом случае получается, что один поставщик снабжал хозяина разнообразными товарами. Вариант вполне возможен, если считать, что между хозяевами танаисских усадеб и производящими центрами стояли местные посредники, скупавшие у прибывающих купцов товары для дальнейшей их перепродажи на месте [Беттгер, Шелов, 1998, с. 130-132]. Тогда товары из различных партий при закупке помечались именем нового собственника. Перекупщик мог сразу указывать и имя будущего покупателя, так как оба имени наносились, судя по всему, одновременно. Получается, что носитель имени ΟΣΙΑ приобрел (или произвел) товар для ΜΑΡ (или наоборот). Станным, однако, является то, что в адресных поставках комплекса задействованы только два этих имени. Надо полагать, если одно из имен принадлежит адресату - владельцу подвала или его контрагенту (в случае если владелец подвала сам был перекупщиком) – ему могли присылать товары и другие поставщики, так же, как и адресатов могло быть несколько. Но ни одно из остальных имеющихся в надписях комплекса имен не встречается вместе с ΟΣΙΑ или ΜΑΡ. Это в какой-то степени снижает вероятность версии.

2. Имена принадлежат совладельцам усадьбы или товаров в хранилище. Так трактовали, как мы помним, именные пометки на амфорах, найденных в танаисских подвалах, Д.Б. Шелов и Б. Беттгер [Беттгер, Шелов, 1998, с. 124 и сл.]. Но если совладельца было два, то почему этими именами не помечены все амфоры комплекса, коль скоро у танаитов существовала традиция помечать свои амфоры? Здесь, на мой взгляд, необходимо отделить из общего числа имен пометки на небольших светлоглиняных амфорах типа D, т.к. нам пока не известно ни одной усадьбы в Танаисе, где имена, встречающиеся на этих амфорах, повторялись бы на иных типах сосудов (даже на близком им по происхождению, так называемом, «столовом» варианте). Это может быть свидетельством того, что поставщики занимались продажей только содержимого амфор типа D, или именные пометки наносились еще на месте заполнения сосудов и принадлежали производителям товара в них. Однако даже если не принимать во внимание имена на подобных амфорах Усадьбы 2, совладельцев амфор в ней должно было быть около десяти. Это также маловероятно.

3. Наиболее приемлемым для меня является третий вариант прочтения –

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

Во втором сокращении с довольно большой долей уверенности следует видеть сокращение Μάρδαυος (Мардав), поскольку в фиасной надписи 228 г. н.э. упомянут человек по имени Μάρδαυος Ζαράνδου (Мардав сын Заранда) [КБН, 1282], в то время как никаких других имен с основой Μαρδ в Танаисе пока отмечено не было. Согласно М. Фасмеру и В.И. Абаеву, имя Заранд иранского происхождения, относится к группе древнеосетинских (аланских) и означает «старый» [Vasmer, 1925, с. 39; Абаев, 1979, с. 310]. Этимология имени Мардав менее ясна, но поскольку носивший его – сын явного иранца Заранда, можно, по-видимому, производить данное имя от иранского корня māṛ- (убивать): ср. осетинское mard (убитый, мертвец, труп).

Даже если первое имя имеет греческое происхождение, сочетание его с иранским патронимиком довольно характерно для Танаиса и отражает, как подчеркивал Д.Б. Шелов, процесс постепенной эллинизации проживавших в городе сарматов [Шелов, 1974, с. 90-91]. Вне зависимости от иранской или греческой этимологии личного имени владельца Усадьбы, его принадлежность к городской иранской среде весьма вероятна (разумеется, он вовсе не обязательно был сыном Мардава, фигурирующего в надписи 228 г. н.э., а просто его отец мог носить такое же или схожее восточноиранское имя).

В свете данной интерпретации легко объясняется не только изобилие в данной Усадьбе центральнокавказской посуды, но и факт обнаружения здесь (в подвале И) позднесарматской курильницы с орнаментом в виде косых крестов на боковых гранях. Как известно, предметы, связанные с отправлением культа, нередко обладают высокой этнической специфичностью. Поэтому такая находка еще более увеличивает вероятность присутствия среди обитателей Усадьбы в середине III в. н.э. лиц иранского (сарматского) происхождения.

В случае правильности приведенных выше соображений об этнической принадлежности хозяина Усадьбы, материалы этого комплекса, исключительные по своему богатству и разнообразию, позволяют судить также о том, чем занимались некоторые из наиболее состоятельных представителей варварской части населения Танаиса. По-видимому, хозяин Усадьбы в заметном объеме продавал продукты как местного земледелия, так и поступающие из районов Центрального Предкавказья. В таком случае его имя, нанесенное на амфоры, как уже говорилось, играло роль своего рода торговой маркировки, гарантировавшей надлежащее качество товара, который, вероятнее всего, отправлялся покупателям за пределы города.

Но это пока единственное указание в *dipinti* возможного хозяина Усадьбы из Танаиса. И связан он, как мы видим, с выходом товара за пределы Усадьбы или даже города. Последнее предположение предпочтительнее тем, что пока в других танаисских комплексах пометок с именем данного торговца нет.

В остальных случаях, как уже было сказано, определить на основании пометок на красноглиняных и на узкогорлых светлоглиняных амфорах имя

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

из самых больших городов Фессалии, продается по сходной цене отличный на вкус свежий сыр, я поспешил туда, собираясь закупить его весь оптом. Но как часто бывает, в недобрый час я отправился, и надежды на барыш меня обманули. Накануне все скупил оптовый торговец Луп» [I, 5, перевод Кузьмина].

Далее товары из оптовых партий покупались в Танаисе мелким оптом и в розницу. После этого товары складировались в подвалах. При этом смысл маркировки собственника перед постановкой амфор в подвал не ясен. Другое дело, если маркировать сосуды еще при покупке. Об этих случаях говорилось в разделе 1 настоящей главы. Но, даже если такие маркировки присутствуют на уже приобретенных амфорах из подвалов, то, скорее всего, они относятся к иным лицам, нежели владельцы усадеб. Вряд ли каждый собственник амфор из Танаиса закупал напрямую товары у производителей. Таковых могло быть не так много.

Возвращаясь к именованным маркировкам на узкогорлых светлоглиняных амфорах типа D, необходимо отметить, что аналогичные *dipinti*, в смысле построения и содержания, мы можем найти среди пометок на других памятниках (рис. 12)²¹. Показательно, что не все эти амфоры пересекали Черное море. Например, из раскопок южнопонтского города Помпеополя (Пафлагония) происходит горло амфоры типа D [Çakir, 1996, p. 58, fig. 6], в нижней части которого имеется хорошо сохранившаяся надпись красной краской из двух строк (рис. 12,1):

Г
ΥΜΕΡΙΟΥ

По своему облику надпись мало чем отличается от тех, что известны на амфорах в Танаисе.

Другие сосуды проходили различные с танаисскими узловыми пунктами транзитной торговли (не Пантикапей или Фанагорию). Таковой является амфора типа D с трехстрочной надписью, найденная при раскопках в Томах. Она приведена в виде схематичного рисунка в публикации К. Шкорпана [Scorpan, 1976, Pl. XI, 4]. На прорисовке видны три строки:

Н
к
N (или Ак в монограмме)

Среди сокращений имен на амфорах этого же типа из Нижнего Подунавья также встречаются аналогии танаисским: ΠΕ, ΔΙΜ, ΑΦ, ΕΡΜ (Barboși); ΒΑ (Dumbrava); ΔΙΟΜ (v. Sapaclia) [Diczek, 2001, p. 346-347] (рис. 12, 2-9).

На амфорах типа D из Горгиипии имеются как цифровые, так и именные пометки, сходные с танаисскими [Алексеева, Беляева, Асанова, 1987, рис. 121,

²¹ К сожалению, нужно отметить, что поиски прямых аналогий пока затрудняются крайне небольшим числом публикаций и небрежностью прорисовок в некоторых имеющихся к настоящему времени работах.

Глава 2

рис. 153; Алексеева, Беляева, Асанова, 1990, рис.30, 32, 33 а, б]. Сокращения имен такие же: ΘΑ, ΝΑ, ΖΑ, ΟΖ (рис. 13).

Дальность или краткость пути не сказалась на характере отметок на амфорах. Вряд ли амфоры из Горгииппии или Подунавья попадали сначала на танаисские рынки или проходили Пантикапей как перевалочный пункт в торговле. Скорее всего, они нанесены в пункте отправки, коим могла быть все та же Гераклея Понтийская.

Иногда поверх первого имени или с противоположной от него стороны на амфорах типа D появляются новые имена или цифры. Возможно, как уже говорилось, это связано с вторичным использованием сосудов. При этом не исключено, что некоторые из пометок появлялись уже в Танаисе. Но основная часть, как мне кажется, также приходила на Нижний Дон уже с готовыми маркировками.

В этой связи хотелось бы вкратце остановиться на клеймах разных типов, которые появляются на узкогорлых светлоглиняных амфорах, начиная со II в. н.э. Как отмечал Д.Б. Шелов, клейма эти встречаются не очень часто [Шелов, 1972, с. 121]. Большая часть амфор клеймению не подвергалась. Энглифические, а иногда – рельефные клейма, чаще всего, ставились на горле и редко – на ручках сосудов. Они содержат сочетания букв, отдельные буквы или монограммы, принадлежавшие личным именам фабрикантов одного производственного центра: ΕΥΤΥ, ΘΕΑ, ΓΟΡΑ ΔΙΟΜ, ΠΟΝ, ΙΖΙ, ΦΑΓ, ΡΟΥ (рис. 54).

Даже при беглом взгляде на содержание клейм и *dipinti*, имеющихся на узкогорлых светлоглиняных амфорах, бросается в глаза некоторая схожесть между ними (приложение 1, табл. 11). Любопытно, что и в пометках I позиции, коим часто «нельзя придать цифрового значения и которые пригодны для того, чтобы маркировать одной аббревиатурой партию для транспортировки» [Бёттгер, Шелов, 1998, с. 84 и след.], имеется достаточно много соответствий среди клейм (рис. 12,5). Например, та же лунарная сигма в надписях и полукольцо в клеймах, Δ или ΔΙ, ΔΝ, ΔΘ, Λ, Ν, ΠΘ, ΠΝ, Φ, Χ, в клеймах и *dipinti* позиции I. При этом, как и клейма, *dipinti* данной позиции, а также цифровые пометки часто наносились раньше, чем появлялась именная пометка III позиции. Возможно, подобные сокращения указывают на первоначального владельца (производителя товара), который предоставлял перед этим тестеры с пометками «γυμνατήρ». Здесь важно отметить, что похожие лигатуры встречаются и в надписях группы «γυμνατήρ». Так, например, надпись № 1 по каталогу 1 в приложении 2 (рис. 6,1) содержит знак в виде лунарной сигмы, сходной с теми, что имеются на амфорах из помещения Т (рис. 9, 17-18), предваряющий остальной текст (но нанесенный одновременно с ним).

Однако очевидно, что совпадения в именах клейм и *dipinti*, нанесенных на одну и ту же амфору, отсутствуют. Это может быть указанием на то, что винодельческие хозяйства, поставлявшие продукцию в узкогорлых светлоглиняных

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

амфорах, сами амфоры не производили [Peacock, Williams, 1986, p. 41-42]. Но это в том случае, если имена в *dipinti* относятся к производителям вина.

При оптовой закупке товара у производителей на сосуды могло наноситься имя покупателя партии. Туда же могли попадать товары различных производителей одного центра. Этим (а не только вторичным использованием амфоры) объяснялось бы нанесение на амфору из подвала МБ пометки ξΒ поверх полустертной надписи группы «γευματήρα» (рис. 7,16). При свершившемся факте покупки тестер был уже не столь важен.

Таким образом, мы вновь возвращаемся к пометкам группы «γευματήρα» как возможному отражению существовавших в III в. н.э. правил и стандартов маркировки. Этот вид пометок, на мой взгляд, наиболее близок к известным со времени Августа маркировкам на амфорах в западных областях Римской империи. В них, как мы помним, позиции α и γ, по мнению исследователей, наносились на амфоры до заполнения содержимым, а позиции β и δ связывают с производителями содержимого и купцами, вовлеченными в торговлю маслом – mercatores, negotiators, diffusores и т.д. [см. 1 параграф 1 главы; Rodriguez Almeida, 1984, p. 175-184].

Зная о возрастающем влиянии римских традиций на жизнь восточных провинций в первые века нашей эры, нельзя исключить и возможность переноса правил маркировки (может быть, несколько видоизмененных) на понтийскую торговлю, с которыми должны были считаться, по крайней мере, торговцы провинции Вифиния-Понт.

При замене тестерных маркировок три блока информации могли заменяться на близкие к ним по смыслу. А именно:

1. Пометка «γευματήρα» (сосуды с пробным напитком), обозначавшая вид товара, заменялась сокращенным именем производителя (в рамках постоянных торговых контактов здесь вполне допустимы, как и в клеймах, значительные сокращения).

2. Проба производилась для определенного пифоса, на который указывали строки с надписью «λιθου №». В надписях остальных амфор мог сохраняться только номер пифоса, обозначавший единое качество товара, известное покупателю после апробации.

3. Формула «λαγυνοι + число», определявшая количество товара к продаже, заменялась на пометку, содержащую имя. Она часто наносилась позже и другим почерком. Возможно, она принадлежала торговцу, занимавшемуся в дальнейшем транспортировкой оптовых партий через море. Именно на этом этапе именная пометка была более всего нужна, так как на торговом судне могли перевозиться несколько партий амфор, принадлежавших разным купцам. Маркер собственности был также необходим при уплате таможенных пошлин и желателен в эмпориях с δείματα.

Именная маркировка была важна для корабельной транспортировки и в том

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

ний позволяют говорить о том, что в период с V в. до н.э. по II в. н.э. транспортировка морских грузов осуществлялась судами, грузоподъемность которых составляла от 25 до 500 т. Самая значительная роль в объеме морских перевозок принадлежала судам с грузоподъемностью свыше 25 т [Кисельников, 2006, с. 319]. Однако известно, что основная масса товаров в Причерноморье перевозилась на малых и средних судах. Грузоподъемность одного среднего судна, как считается, составляла 4,5-45 т брутто [Кадеев, Сорочан, 1989, с. 95; Внуков, 2006, с. 215]. Эти значения можно сопоставить с приблизительным объемом и весом узкогорлой светлоглиняной амфоры. Согласно замерам, средний объем амфоры составляет 3,100 л, средний вес пустого сосуда – 2,000 кг, брутто – 5,100 кг²². Таким образом, одно среднее судно могло перевезти 882 – 8823 амфоры типа D. При наложении этих данных на известное нам количество лагинов в одном пифосе (355 – 450), получается, что за один рейс на одном среднем корабле можно было вывезти содержимое 2 - 25 пифосов из одного хозяйства. Тогда, если один торговец (владелец товара) вывозил на корабле продукцию одного хозяйства (может быть, даже – своего), ему была нужна лишь цифровая маркировка, дающая оттенки качества товара в партии.

Итак, со второй половины II в. н.э. по середину III в. н.э. наблюдается период наибольшей политической и экономической стабильности в восточных провинциях Римской империи и в бассейне Черного моря. Приблизительно в это же время среди танаисских и причерноморских *dipinti* начинают выделяться стандартные пометки. Достаточно четкие формы система маркировки на амфорах приобретает в первой половине III в. н.э.

Наиболее выразительными являются стандартные *dipinti* на узкогорлых светлоглиняных амфорах типа D. Основная часть таких пометок наносилась, скорее всего, сразу после заполнения сосудов вином в Геракле Понтийской. Надписи отображают важные стороны производства вина и организации виноторговли.

Содержание большей части пометок середины III в. н.э. свидетельствует о том, что большинство сосудов, прибывавших в Танаис, уже несли на себе достаточно подробную информацию. Одинаковые имена и прочие сходные пометки говорят об использовании различными покупателями одних и тех же источников приобретения сосудов.

²² В том случае, когда 1 л вина равен 1кг.